

Журнал "Вокруг Света"

№7, июль 1961

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №7, июль 1961 / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 70 с.

ISBN 978-5-458-43191-0

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Переселенец- С ракушками - на осьминога- Покорители Вахша- Шварце пумпе строится- Море уносит

ISBN 978-5-458-43191-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«ТЫ БУДЕШЬ РАБОТАТЬ ЗДЕСЬ».

Фото Н. СУРОВЦЕВА

С выставки
«Семилетка
в действии».

Трое трактористов хлопочут у первой машины, готовясь спустить ее на хрупкий прибрежный лед.

Трудно представить себе столь разных по внешним приметам людей. Первый, Егор Савелов, высокий, длиннотелый, угрюмый человек, который, судя по всему, играет в этом трио ведущую роль, принадлежит к людям с опытом сибирской жизни и работы; он прожил здесь три или четыре года, свылся с Сибирью и успел прикипеть к ней душой. Второй, украинец Петро, одежда которого — шинель со следами споротых петлиц, кирзовые сапоги, серая, искусственного меха солдатская шапка — выдает в нем демобилизованного, — новичок, и притом новичок хозяйственный, осмотрительный. Работая на тракторе, он успевает оценить окрестную колхозную жизнь, разузнать, какие здесь возможности для хозяйствования, в какой срок успевают здесь картошка, огурцы, есть ли резон для парникового дела и т. д. Третий, армянин, по имени Азат, очень живой, по-южному темпераментный и восприимчивый двадцатилетний парень, видно, любимец всейстройки, однако симпатия, которую здесь выказывают ему, не лишена некоторой иронии и доброжелательной насмешки над его вспыльчивым характером.

Азат легск, как ветерок, в Сибирь он помчался, что называется, с кондачка, по неосмотрительности и горячности своей не успел или не захотел получить прозодежду и щеголяет в городском модном пальто, усеянном пятнами мазута, в узких светлых брюках и летних дырчатых сандалиях, которые он именует штиблетами. Несмотря на вечную спешку, работает он хорошо, толково.

Все трое, собравшись у трактора, долго спорят о том, как переправить машины. Азат отчаянно жестикулирует, кричит и горячится, наталкиваясь на короткие и дельные замечания Савелова. Он требует, чтобы ему разрешили сесть на первый трактор, доказывает, что лед еще достаточно крепок, чтобы выдержать пятитонную махину, но товарищи против.

— Человек не стружка, — басит Савелов. — Человек, брат, самая, можно сказать, ценность, а ты сам себя хочешь в прорубь загнать!

Наконец друзья останавливаются на варианте, предложенном Савеловым. Выбрав самый старый трактор, закрепляют на нем рычаги и, направив его тупым носом прямо на остров, пускают на малой скорости по льду, а сами идут следом. Лед трещит под гусеницами.

Ангара из матово-белой стала уже зеленовато-

голубой — верный признак того, что лед, размываемый постепенно водой, потоньшал. Но все же он еще прочен, и трактор, проделав полукилометровый путь без водителя, выбирается на пологий песчаный берег острова. Вслед за ним Савелов, Петро, Азат и их товарищи перегоняют остальные тягачи.

Вечером сидим на острове у костра, в котором, потрескивая, ярко горят доски, оставшиеся от разобранного тепляка. Сушатся у огня ватники, сушатся «штиблеты» Азата. Сам Азат, протянув к огню ноги в шерстяных влажных чулках, говорит о Сибири. Постепенно в разговор оказываются втянутыми Петро и Савелов.

— Одного не понимаю, — лукаво поглядывая на Азата и, видимо, желая подзадорить его, говорит Петро, — зачем ты из Армении в Сибирь поехал? Там фрукты, абрикосы, жара, вино дешевое, живи себе...

— Хе, вино! — смеется Азат. — Разве человек бочка, дорогой? Бочку вином нальешь, ей больше ничего не нужно — она бочка!

Азат поднимает вверх большие смуглые руки, изъеденные черными, промазанными ссадинами.

— Человеку нужна большая работа, ему нужно, чтобы здесь, — армянин гулко стучит в крепкую выпуклую грудь, — радость была, понимаешь, дорогой? Я прочитал в газете про Сибирь, пошел в райком комсомола. «Я, — говорю, — тракторист, прошу мне дать путевку», — и все...

Петро и Савелов улыбаются: им, должно быть, кажутся смешными азартность товарища и его непосредственность. Они куда более сдержанны и суровы, но ведь, если подумать хорошенько, их, как и этого двадцатилетнего парня из Армении, Сибирь привлекла романтикой своих невиданных по размаху строев, новизной своей особой, еще не совсем открывшейся им жизни. И они отправились в дальний путь по зову сердца — я не боюсь повторить несколько затасканное газетами выражение, — по зову молодости, овеванной образами славных героев, строителей первых пятилеток. Петро не без длительных, не без основательных раздумий променял уютную и теплую Полтавщину на Сибирь, и, должно быть, сильна еще в нем тоска по хуторам с белыми мазанками, по тополям, пиками вздымающимся в украинское ласковое небо, тоска по всем многочисленным кумам и кумам, оставленным за тысячами верст. Но уже сильно и властно овладела им Сибирь. Да где же еще развернуться славной, молодой удали, не уступающей казацкой, воспетой Гоголем удали

Перед дальней дорогой

Голубые, малиновые, розовые конверты. Письма... Неустоявшийся почерк школьника; торопливый, прыгающий, успевающий за лекцией — вчерашнего студента; твердый, шероховатый, как ладонь, почерк рабочего. Письма — итог раздумий над будущим, письма — окончательные решения. Они приходят в горкомы комсомола, в ЦК ВЛКСМ, в редакции журналов и газет, туда, где могут помочь, где посоветуют, как поступить лучше.

Обычно они написаны деловитым и приглушенно сухим тоном. Но вдруг прорывается одно коротенькое слово «очень», и чувствуешь за письмом волнение паренька или девушки, которые хотят начать жизнь с дальней и трудной дороги.

«Прошу направить меня на строительство нового города Байкальска, — пишет комсомолка Лида Лямзина из Ашхабада. — Я окончила в 1958 году Ашхабадский политехникум. С 1958 года и по настоящее время работаю мастером цеха бетонного завода. Очень хочу попасть на новостройку Сибири».

Нет, не только страсть к приключениям, свойствен-

ная молодости, зовет эту девушку в далекий Байкальск. Просто она уверена, что там, в Сибири, она найдет свое призвание. Будет работать так же увлеченно, так же изо дня в день будет перевыполнять задания, так же заниматься любимым спортом. Но только труд ее в Байкальске будет более значительным и радостным, потому что в нем сейчас особенно нуждается Родина.

«В Сталинске строится Западно-Сибирский металлургический завод, — читаем в письме киевлян Георгия Гаврилюка и Николая Васякина. — Поддерживаем инициативу московской молодежи, которая поехала на Запсиб. Мы тоже решили ехать на строительство Западно-Сибирского металлургического завода. Будем строителями».

«Мы, учащиеся донской средней школы № 1, в этом году окончили десятый класс. Мы всем классом приняли решение — работать там, где всего труднее, ехать на любую крупную стройку в Восточных районах нашей страны». — Так написали Валя Березкина, Олег Ерохин, Леонид Чугунов, Николай Ширяев

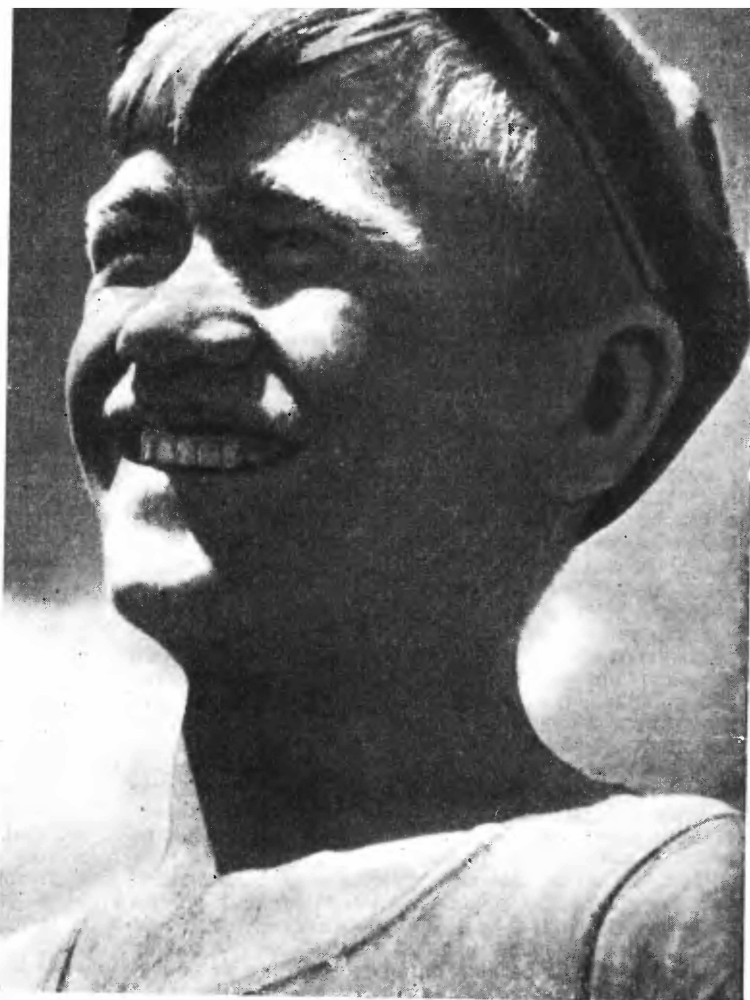
запорожцев, как не здесь, в борьбе с неуступчивой природой? Здесь он получил простор для инициативы, для дерзания, получил, возможно, то, чего не хватало ему в оставленных местах. Здесь он впервые почувствовал свою силу, узнал цену самому себе...

— Тракториста в тайге коржами с маком никто угощать не будет, — рассказывает Петро, и в голосе его звучит невольное уважение к негостеприимной тайге. — Бывает, надо тебе сообразить ремонт на ходу, а мороз такой, что пальцы к металлу пристаю. Вот и надейся на свою сноровку.

Их трое, очень разных по характеру, возрасту и привычкам людей. Но как бы ни были велики отличия между ними, нельзя было не заметить одной особенности, сроднившей их судьбы: они все трое прижились в Сибири, пришлось здесь к месту, с первых же дней своей новой жизни они почувствовали себя очень нужными людьми, настоящими хозяевами новых краев. И это еще раз говорит о том, какая четкая и резкая линия разделила переселенца прошлых лет и переселенца наших дней. Те шли сюда, в Сибирь, приживалами, просителями, долгие месяцы, долгие годы требовались новоселам, чтобы освоиться на чужой им земле.

Эти хлопцы, как бывалые бойцы из резервов, с первых же минут умело и ловко берутся за дело — они знают, что прибыли в край, где их ждут.

Один из сибирских литераторов сравнивал нынешнее освоение восточных пространств с колонизацией американского Запада и жаловался, что невиданное по размаху движение в Сибири еще не родило ни Брет-Гарта, ни Джека Лондона, что литература остается в большом долгу перед переселенцами. Возможно, литератор прав: должок ощутим, за него спросится. Но нельзя не думать и о том, что два процесса великого переселения, какими бы сход-

МОЛОДОЙ ЦЕЛИННИК.

С выставки
«Семилетка
в действии».

Фото Л. ДУБИЛЬТА

и другие выпускники Донецкой школы Тульской области.

Адреса на большинстве писем — Сибирь, строительство крупных заводов и фабрик. По мере того как страна набирает скорость в создании мощной индустрии в Сибири и на Востоке, все шире становится поток молодежи, жаждущей строить и творить.

Другой адрес — целина.

«Прошу направить меня на работу в Целинный край. Специальность моя — агроном по садоводству. Имею также удостоверение дизелиста. Родился и вырос в колхозе. Мне 25 лет, сельское хозяйство знаю хорошо, к тому же очень хочу работать на целине», — пишет Петр Андреев из Пермской области.

«Я — зоотехник, но живу в городе. И мне стало стыдно, что я нахожусь не там, где нужна», — пишет комсомолка Лариса Остапчук из Полтавы.

Край неограниченных возможностей, край большой целины требует горячих людей, и едут туда эшелоны молодежи со звонкой песней, с мечтой о подвигах, как в незабываемые 1954—1955 годы.

Слово «целина» ныне получило новый смысл. Ковыльной, унылой степи больше нет. Она распахана. Теперь под этим словом подразумевается и другой ра-

бочий фронт — животноводство, строительство городов, лесопосадки.

Огромному краю нужны агрономы, механизаторы, архитекторы, педагоги, врачи, работники культуры — и со всех концов страны поступают от них заявления с просьбой послать в Казахстан, на Алтай, в Сибирь.

Таковы письма... Простые человеческие документы. Будущие историки найдут в них приметы нашего времени. Работающие над проблемами переселения народов географы, зная лишь хронологию особо выдающихся событий, легко узнают нити новых дорог молодежи.

Юности свойственны жажда подвига, желание сделать что-то значительное в жизни. Юности свойственно и некоторое опасение, что другие могут опередить, обогнать. Видимо, это и заставило Пулата Алимова из Узбекистана написать на письме: «Срочно!!! Я, гражданин Советского Союза, готов сейчас же полететь в космос, даже и на Луну, выполнить любое задание Родины. Прошу не отказать».

Дороги, по которым устремляется молодость, не измеришь километрами. Пусть будут они далекими и близкими, лишь бы они были верными, лишь бы они вели к доброй цели.

ными ни были некоторые черты, имеют противоположные основы. Помимо главных социальных отличий, колонизация Запада Америки, сколько бы миллионов людей в ней ни участвовало, была движением одиночек. «Сильные люди», отправившиеся с насиженного атлантического побережья к Тихому океану, шли на свой страх и риск, надеясь лишь на удачу, на свою счастливую звезду, физическую силу и меткость своих карабинов. Это движение и последовавшая вслед за захватом вольных земель золотая лихорадка вызвали бурное столкновение человеческих судеб. Взлеты счастливчиков-одиночек соседствовали с падением их невезучих соотечественников. Это была эпоха, по существу, трагическая, и каждый, кто внимательно ознакомился с рассказами Брет-Гарта, Лондона и других американцев, чье творчество было связано с этой темой, не мог не заметить, что в основе сюжетов лежат обстоятельства трагические. Счастье доставалось немногим «ревушим станам» очень дорогой ценой.

Наш переселенец не имеет ничего общего с классическим американским типом колониста, его отличает не только отсутствие широкополой шляпы и револьвера за поясом. У него иные цели, иное отношение к жизни, он не собирается вцепиться в глотку соседа, чтобы вырвать у него клочок земли, он не опасается аборигенов и не рассматривает их как врагов, он знает, что его встретят как желанного гостя. Он полон чувства собственного достоинства, потому что им в его поисках руководят не только личные, но и государственные интересы. Не испугавшись выражения, которое может показаться скучным, я скажу, что наш переселенец плановый. Его участие в освоении сибирских богатств уже учтено хозяйственными органами, он найдет себе работу по вкусу, возрасту и профессии...

Так что ж, плановость, разумная расчетливость, которая руководит переселенцем, выступает врагом романтики? Ничуть. Ее назначение — исключить трагедии, неизбежные при подобном массовом движении, если бы оно происходило не в социалистической стране. Романтика освоения суровой природы, когда новоселы выступают в одном строю, плечом к плечу, возвышенной и благородней колонизационной романтики одиночек, на долю которой выпали чисто внешние эффекты.

Пропал самолет. Ранним утром «ЯК-12» вылетел с одного из аэродромов, расположенных в Восточной Сибири, в тайгу, на помощь геологической партии, которая волею случая оказалась без продуктов. По расчетам диспетчеров, маленький шустрый «ЯК» должен был спустя два с половиной часа прилететь на «оперативную точку», как называют летчики временные посадочные площадки, оборудованные в тайге геологами. Прошло три, три с половиной, четыре часа. Из партии сообщали, что по-прежнему не слышат шума мотора. У «ЯКа» уже должно было кончиться горючее. Стало ясно, что где-то над тайгой у пилота случилось ЧП.

В избе, где квартировала легкомоторная эскадрилья и где обычно собирались шумные весельчаки-пилоты, где в непогожие туманные дни раздавался дробный стук костяшек домино, было в те часы тихо. Пилоты собрались вокруг командира эскадрильи и прислушивались к хриплому голосу радиста, доносившемуся из селекторного динамика: «Не прилетел...», «Сообщают, что видимость ухудшилась...», «Думают жечь костры...»

Погода действительно, точно желая повредить дальнейшим поискам «ЯКа», нахмурилась, небо затянуло облаками, посыпался частый мутный дождь. И когда, казалось, облаками были закрыты все въздушные пути в тайгу, по селектору раздался голос командира авиационной части: «Коробов, готовьтесь к вылету на поиски...»

Командир подразделения ждал приказа, он ко-

ротко бросил «Есть» и встал из-за стола, одернув ремень с планшетом. В эту секунду все собравшиеся пилоты с молчаливой гордостью взглянули на своего командира. Коробов был знаменитостью авиачасти, его знали все таежники — геологи, охотники, проводники, оленеводы — на много сотен верст вокруг. Коробов был лучшим пилотом, летчиком класса «один — сто» — это означало, что ему в отличие от других летчиков разрешалось летать в таких условиях, когда видимость была ограничена километром, а облака поднимались над землей не более чем на сто метров. Иначе говоря, ему разрешалось летать в любую погоду, и это в Восточной Сибири, где необозримые пространства тайги лишены четких ориентиров, а сопки так высоки, что вершины их, утыканные редкими соснами, плавают выше пелены дождевых облаков.

Ничто не выдавало в Коробове человека, о котором на всех сибирских авиатрассах ходили легенды. Маленький, смуглый, с легкой птичьей походкой, хохотун, большой любитель анекдотов, он, казалось, всем своим поведением маскировал в себе тот героизм, то высокое мужество и благородство, которые предполагал в нем увидеть каждый, кто впервые знакомился с пилотом. Он никогда не расставался со своими великолепными желтыми особенными светофильтрами в тяжелой роговой оправе и надевал их каждый раз, садясь в кабину. Все на аэродроме знали об этих очках и с улыбкой говорили об их «чудодейственной» силе. Сам Коробов объяснял свою привычку так: «В солнечный день, видишь ли, глаза не слепит, а в туман летишь, и кажется, что кругом солнце. Такое, понимаешь, настроение солнечное у тебя...»

Коробов улетел на поиск. Его голубой «ЯК», перелетев через ближнюю уютнообразную сопку, скрылся в пелене дождя. В тесной и прокуренной — в тот день много курили — комнатке, увешанной картами и схемами, мы ждали вестей от командира подразделения. Здесь-то штурман подразделения, бывалый «летун» Иван Николаевич, рассказал мне историю Лени Коробова.

Леня был летчиком-истребителем морской авиации, на боевом счету у него было три или четыре сбитых фашистских самолета. В сорок пятом, в день, когда Коробову исполнилось двадцать, «мессер» сбил его над Балтийским морем. Раненый летчик несколько часов провел в ледяной воде. Его подобрал наш гральщик. В военную авиацию Коробов уже не вернулся: его «комиссовали». Но он уже не мог жить без неба, и с большим трудом, после споров с врачами и долгой, изнурительной канцелярской волокиты, попал на один из маленьких аэродромов в степном городке. Новая работа показалась ему тихой и скучной. Он сумел добиться назначения в Сибирь, где в это время осваивали новые таежные трассы.

Он смело пошел навстречу опасностям и в одиночку на старом латаном «ПО-2», без радики, парил над безлюдной тайгой. Он садился на каменистые речные отмели, на пологие склоны сопки. Однажды после вынужденной зимовал в тайге целый месяц, пока его не отыскали друзья. «Все-таки в тебе душа истребителя», — сказал ему командир части, поздравляя с орденом, первым орденом, полученным пилотом на «гражданке».

Несколько раз Коробову предлагали перейти на большие трассы, связывающие Сибирь с центром страны, но Коробов отказывался от этих почетных предложений. Он отказался даже от «ТУ». Он полюбил Сибирь, ее людей, полюбил свою нелегкую работу, в которой он нашел то, что однажды потерял, расставшись с истребителем...

Рассказ штурмана то и дело перебивали сообщения радиста: «Коробов заметил на берегу реки «ЯК-12», «Пилот жив, выкладывает посадочный знак...», «Коробов сообщает, что идет на посадку», «Коробов возвращается...»

В самой фигуре замечательного пилота, его биографии, мне кажется, запечатлены черты, необы-

чайно характерные для нынешнего освоителя сибирских просторов.

В наши дни проблема переселения становится в значительной мере проблемой характера, проблемой воспитания. Если раньше человеческую массу, постепенно заселявшую Сибирь, принуждала к переезду жажда сытости или жажда богатства, то для нашего современника мотивы, побудившие его к переустройству жизни, надо искать в иной сфере.

Такие люди, как Коробов или Азат, стремятся в новые края вовсе не за длинным рублем и не потому, что их прежняя жизнь была им неважна, — их ведут патристическое желание быть полезным стране и юношеская жажда борьбы, романтики. Такие волевые и горячие люди не ошибаются и не раскаиваются в своем решении отправиться на передовой рубеж. Именно здесь, в преодолении непреодолимых трудностей, они превращаются в закаленных и опытных бойцов. Из таких людей и кристаллизуются сибиряки.

Жажда романтики! Как часто мы, описывая сов-

ременную Сибирь, забываем о том, что своей не познавностью, нераскрытостью многих тайн влекут новые земли молодых людей! Мы стараемся доказать, что в Сибири переселенец сможет встретить все то, с чем он, может быть, расстался в родных местах, что в новых домах, среди тайги, он найдет современный уют и комфорт, что по сибирским трактам ходят те же автобусы, что и на улицах Ленинграда, что программы местного телевидения ничуть не хуже, чем в Москве... Все это так. Но в публицистическом пылу иные наши журналисты и писатели старательно нивелируют Сибирь до уровня обжитой среднеевропейской равнины и не замечают, что при этом они стараются увлечь юношу или девушку лозунгом: «Здесь вы не встретите ничего особенного». А между тем десятки и сотни тысяч молодых людей едут с комсомольскими путевками именно потому, что мечтают встретить особенное, новое. Их не пугают, а манят пространства тайги, их не пугает, манит суровость Сибири.

Пилот ищет в Сибири необлетанные небеса, геолог — непройденные тропы, строитель — невыст-

---

ХЛЕБ ЦЕЛИНЫ.

Фото Ю. АБРАМОЧКИНА

С выставки
«Семилетка
в действии».

роенные города, а мечтательный Азат, выросший в теплой стране, мужественно идет навстречу морозам.

И они, мужественные, настойчивые люди, помогают создавать новую, индустриальную Сибирь. Благодаря самоотверженному труду патриотов нового края вырастают в тайге современные чудо-города, заводы, выстроенные по последнему слову техники, дворцы культуры; выше сибирских сопкок тянутся к небу ажурные телевизионные башни... Изумительное превращение Сибири происходит с невиданной быстротой.

Усть-Орда — ничем не примечательный поселок в Иркутской области. Стоит она на Якутском тракте, в степи, на солончаках. Летними и осенними утрами соль, точно иней, выступает на сухой, потрепанной земле, деревья не уживаются в крепко просоленной почве, и те несколько тополей, которые радуют глаз своей зеленью в центре поселка, потребовали от людей немалых стараний. Но не спешите с выводами о бесплодности окружающих Усть-Орду земель. Это лишь поселку повезло оказаться на «соленом пятнышке», а перемахнете вы через Мольку — гряды ближайших сопкок — и очутитесь на богатейших землях, где выращивают чудесную пшеницу.

Усть-Орда, центр бурятского национального района, кормит индустриальную Иркутку. Усть-Орда — пестрое смешение кирпичных и деревянных домов, строгой сельской архитектуры 50—60-х годов и старых деревянных зданий, украшенных резными ажурными фризами, кокорами, коньками-охлупнями и пышными кокошниками, где в затейливых фантастических рисунках сошлись Русь и Восток, два фольклора, два образных и поэтических восприятия мира.

...Равномерный будничный порядок поселковой жизни нарушен праздничным событием: ждут переселенцев. В Усть-Орду должен прийти «обоз» из автомашин, отсюда переселенцы разъедутся по окрестным деревням и улусам. Весна стоит холодная, грозит майским снежком, и поэтому встречающие не забыли прихватить ватники, а кто постарше — и дохи. В группе встречающих, которые приехали «агитировать» за свой колхоз, старик бурят, накинувший на плечи роскошную козью доху, говорит:

— Однако, почему к нам в улус не ехат? Хороший улус, свои брачи есть, — старик с характерной для бурята твердостью произносит звук «в», и он звучит у него как «б». — Свои брачи, — повторяет он с гордостью. — Едут, едут!

С Якутского тракта один за другим на центральную асфальтированную улицу поселка въезжают грузовики-фургоны, автобусы, зеленые «козлики» на легких, прыгучих колесах...

Вот в такой праздничный для поселка день я и познакомился с Василием Горкиным, переселенцем с Кубани. Мы встретились в Усть-Орде. Горкин обращал на себя внимание независимой, очень спокойной и, пожалуй, горделивой манерой держаться; небольшого роста, с крепкой круглой головой, даже в первые минуты своего пребывания в Усть-Орде, когда его попутчики не без некоторой растерянности оглядывали незнакомые места, Горкин, как хозяин, обошел колонну, остановившись у автобусов, в которых ехали дети и женщины, осведомился о состоянии здоровья и стал оглядывать встречающих, всем своим видом говоря: «Ну, вот и я, как видите, крепок, здоров. А вы что скажете?»

У меня было задание от местной газеты «дать зарисовку о прибытии переселенцев», но что-то подсказывало, что здесь не к месту проявлять обычное репортерское любопытство. Долгожданный приезд на новые земли был для этих людей слишком торжественным, слишком важным событием, и они, надо полагать, были по-настоящему взволнованы.

Спрятав блокнот, я подошел к Горкину, и тот, протянув мне в ответ крепкую плоскую ладонь, заговорил просто и толково — так умеют рассказывать о себе лишь люди, живущие не одним лишь сегодняшним днем, но умеющие обдумывать и направлять свою жизнь, а это, должно быть, труднейшее на свете искусство. То, что один из местных жителей заинтересовался тем, как и зачем он приехал в Сибирь, у Горкина не вызвало удивления. Более того, он словно обрадовался возможности высказаться, да и самому заодно разузнать получше здешнее житье-бытье.

Так я узнал, что Горкин сызмальства, за исключением фронтовых лет, работал в колхозе свином, что свою профессию он считает наиважнейшей в крестьянском деле и что он добился у себя на свиноферме немалых успехов. Списавшись со здешними колхозниками, узнал, что здесь, в Сибири, еще во многом отстают от кубанцев, вот и решил, как человек партийный, посоветовавшись у себя в колхозе в партбюро, отправиться на восток. «Есть такая думка, что доверят мне ферму, — с уверенностью сказал Горкин, — а уж я, изучивши здешние места, значит, постараюсь поработать».

Прошло три или четыре месяца, прежде чем я снова встретился с Горкиным. За это время новоселы, разъехавшиеся из Усть-Орды по округе, пережили обычный ритуал встречи. Их чествовали на общеколхозных вечерах, вручали ключи от новых домов и, пригласив на фермы, заставляли выбирать коров и поросят «для хозяйственного обзаведения»... Может быть, мне не удалось бы вторично встретиться с кубанским переселенцем, но однажды редактор окружной газеты, вызвав меня, сообщил, что в колхозе «Победа», неподалеку от Усть-Орды, объявился некто Горкин, очень толковый свиновод, и на ферме у него дело поставлено образцово, и Горкин, первым использовав на ферме метод разового опороса — тогда это дело в Сибири было внове, — творит буквально чудеса, и он, этот Горкин, заодно взялся еще руководить и пасекой.

И вот Горкин вводит меня в дом, очень счастливый тем, что ему есть где принять гостя и в доме у него все устроено «не хуже, чем у людей».

Я расспрашиваю Горкина о том, что удалось ему сделать на свиноферме, но кубанец переводит разговор на другую тему. Он рассказывает о редком гостеприимстве местных жителей; без их помощи, их доброго отношения он ничего бы не смог, ничего не успел...

То, что говорит Горкин о дружелюбии бурят и коренных сибиряков, не вызывает у меня удивления. Мы сидим в большой, просторной избе, еще крепко пахнущей свежей сосной, и кажется, будто и не было того дня в Усть-Орде, когда Горкин впервые ступил на сибирскую землю, будто давно, очень давно живет он под Усть-Ордой, в бурятском улусе: такой внутренней ладностью, устроенностью дышит его дом.

И мне и Горкину — он хотя и гораздо старше меня, но и он принадлежит к поколению, выросшему при советской власти, — трудно представить, что все могло быть иначе.

На пыльных грунтовых дорогах и свежепроложенных магистралях, в новых поселках среди тайги, у расколотых взрывами диабазовых скал, в отдаленных сибирских городах, меняющих свой вековой деревянный облик, и на улицах новых городов — всюду вы встретите его, переселенца, человека, приехавшего в дальние края, чтобы строить. На нем может быть тяжелая негнущаяся брезентовая куртка, какую надевают сварщики, или крестьянский полушубок, или синий китель летчика, или комбинезон строителя. Кем бы ни был он по профессии, из каких краев ни приехал, он принадлежит к одной великой переселенческой армии, преобразующей Сибирь...

С РАКУШКАМИ— НА ОСЬМИНОГА

Я «познакомился» с осьминогами впервые в небольшом пекинском ресторанчике у древних ворот Сюаньумынь.

И правда, это были не те океанские чудовища, одно упоминание о которых леденит кровь. Эти осьминоги — бадайюй — умещались на обычной круглой тарелке и со свернутыми в бутончик щупальцами напоминали по виду сдобный крендель.

Летом я отдыхал в Бэйдайхэ, на берегу Ляодунского залива. В Пекине уже отцвели деревья, стояла душливая жара, а здесь еще пушились тополя, распускалась японская софора и с моря веяло прохладой. Каждую свободную минуту я проводил на берегу. Особенно любил я по вечерам встречать пропахшие рыбой и морем джонки, а утром следил, как прямоугольники их парусов пропадают за горизонтом. Скоро я уже знал в лицо и по имени почти всех рыбаков. При встрече они приветствовали меня как старого знакомого. Но сколько раз я ни пытался завести разговор о том, чтобы меня взяли в море, ответ был всегда один: «вэйсянь» — «опасно».

И все-таки мне удалось выйти в море. Однажды я встретил бригадира рыбаков Чжан Фан-юя. На вид он молодой — лет тридцати человек, но старые, многоопытные рыбаки относились к нему с глубоким уважением.

— Слыхал, в море хочешь сходить? — окликнул меня Чжан Фан-юй.

Я кивнул в знак согласия. Бригадир задумался на минуту, быстро что-то подсчитал, разжимая поочередно, с мизинца, сомкнутые в кулак пальцы, и решительно бросил:

— Идет! Приходи завтра утром, да пораньше. Пойдем за бадайюй.

Сказал и зашагал по песку.

Ночи, казалось, не будет конца. Боясь опоздать, я почти не спал. А едва первые лучи солнца робко коснулись зеленоватой сверкающей поверхности моря, был уже на берегу.

Рыбаки еще не собрались. Только одинокие фигуры сборщиков морской капусты — дара отлива — бродили с камышовыми корзиночками по мокрому песку. Спустя час пришел Чжан. А еще через полчаса мы отчалили.

Джонка оказалась небольшой и досадно обыкновенной — без парусов и даже без мачты. Экипаж ее состоял из трех человек. Гребец, он же рулевой, ловко справлялся с обеими своими обязанностями. Он искусно орудовал закрепленным на корме длинным, слегка изогнутым веслом, напоминающим хвостовой плавник рыбы.

— Пришли, — вернул меня к действительности спокойный голос рулевого.

Я удивленно огляделся. До берега — немногим более километра. Хорошо видны здания санаториев и даже фигурки отдыхающих, занятых утренней гимнастикой. Какие тут могут быть осьминоги?

Метрах в двадцати от лодки покачивались на легкой зыби буйки — бамбуковые палочки с яркими флажками. Поравнявшись с одним из них, рыбак Сяо Линь ловко втащил буй на борт и стал

быстро-быстро выбирать привязанную к нему веревку. Из воды показалась ракушка величиной с кулак. Обычная ракушка, одна из тех, что часто служат у нас пепельницами. За ней — другая, третья. Нанизанные на веревку как бусы, они звонко стучались о дно лодки. Но осьминогов не было.

— Где же бадайюй? — не выдержал я.

Чжан Фан-юй молча нагнулся, поднял что-то и протянул мне. На его загрубелой ладони ворочался маленький, но вполне настоящий спрут. Чжан тронул его, и сразу вокруг пальца обвились три гибких щупальца, прилепившись множеством крошечных присосков. Легко оторвав их, Чжан перегнул через борт и бросил спрутика в море. Ни секунды не мешкая, тот вытянул щупальца и, выбросив черное облачко, стремительно нырнул в глубину.

— Реактивный самолет, — засмеялся Чжан.

А ракушки все текли и текли в лодку... Из многих выползали спрутенята. Упрямец, которые не хотели покидать убежища, рыбак извлекал железным крючком. Освобожденные ракушки он опускал на веревке обратно в море с другого борта.

Обойдя все буйки, мы повернули к берегу.

— Сейчас не время брать бадайюй, — пояснил Сяо Линь, собирая улов в большую корзину, — одна мелочь идет, годится только на наживку.

— Рыбаки говорят: «весной лови окуня, осенью — треску, в дождливый сезон ставь ракушки на бадайюй», — добавил Чжан.

Я узнал, что осьминогов здесь промышляют давно. Еще много веков назад люди заметили, что в штормовую погоду осьминоги забираются в пустые раковины. Вместе с «жилъцами» их выбрасывало на берег волной. Вот поэтому и начали рыбаки опускать в море ракушки на веревке. Сейчас таким способом ловят спрутов многие китайские рыбаки.

Солнце подбиралось к зениту, когда наша джонка, зашуршав плоским дном по песку, уткнулась в берег.

А вечером я снова пошел встречать рыбаков, возвращавшихся из открытого моря.

И. БОГЕВ

ОСТРОВ СВОБОДЫ

В. ИВАНОВ, П. ОССОВСКИЙ

Вспоминаются дни печали
и дни радости...

Фото ВЛАДИМИРА ВОЛОДКИНА.

Подписи С. С. СМЕРНОВА.

Наверное, нет в нашей стране парня или девушки, которые не хотели бы побывать на Кубе, на острове свободы у берегов Америки.

Мы приехали сюда в январе 1961 года, когда Куба готовилась дать отпор тем, кто под защитой и при прямой поддержке империалистов Соединенных Штатов Америки собирался напасть на свободную республику. Народ Кубы брался за оружие.

Дул ветер, теребя листья пальм.

Волны накатывались на набережную Гаваны, обдавая брызгами мчащиеся машины. Развевались красно-бело-синие флаги Кубы. И, как бы сдерживая натиск волн, навстречу ветру направили свои жерла пушки. Крыши оцептанились дулами зенитных пулеметов.

Сразу, с первой минуты знакомства с этой замечательной страной и ее героическим народом, мы ощутили сплоченность всех, революционную сознатель-

П. ОССОВСКИЙ. По дороге в Пинар-дель-Рио.

В. ИВАНОВ. Человек с лопатой.

КУБА 1961

ИЗ АЛЬБОМА

ность каждого. Такой мы увидели Кубу. Все время хотелось рисовать — и молодые, очень молодые лица бойцов, их горящие глаза, и плантации сахарного тростника под лучами южного солнца, и могучие пальмы, и горы, густо поросшие лесом, и великолепные пляжи.

В. ИВАНОВ.
Старшая сестра.

На набережной Гаваны, как всегда, — потоки машин, но тут уже стоят и пушки, настороженно глядящие в голубую даль океана. Гавана — сердце Кубы. Но для того чтобы увидеть и понять, чем живет в эти дни весь революционный остров, надо побывать в провинциях, на полях, в деревнях, на улицах маленьких городов. ↓

Любят песню кубинцы. Под переборы гитары звучит ↑ она повсюду, звонкая, зажигающая кубинская песня: и в заводском дворе в час обеда, и на вечерних улицах деревни, и на солнечном морском берегу. И уж, конечно, громко звучит она на солдатском привале, и веселым смехом вторят ей кубинские воины. Но если придут минуты тревоги, суровыми станут эти молодые лица, и сильные руки твердо сожмут оружие.

П. ОССОВСКИЙ. Бойцы.

Кое-где еще встречаются хижины, крытые пальмовыми листьями, но чаще мелькают новые домики поселков, недавно построенных для крестьян. Там где красную кубинскую землю бороздят тракторы, мы встречали людей, проживших нелегкую жизнь, изведавших голод и нищету и лишь недавно познавших радость владения землей. Все: и землю и дома — дало им революционное правительство.

Мы сделали первые рисунки в Гаване, прямо рядом с нашим отелем на двадцать седьмой батарее. Командовал ею 24-летний Энрике Диас. Мы рисовали бойцов этой батареи во время обеда, когда они чистили оружие, стояли на посту.

↑
В деревне та же бодрая, радостная атмосфера революции. Совеет на полях сахарный тростник — главное богатство Кубы. «Наши сахар пахнет кровью», — мрачно говорили когда-то кубинцы. Нет теперь у сахара этого страшного запаха — ведь он принадлежит не «мистеру» из американской компании, не «сеньору» — помещику, а самим крестьянам. Поэтому и спорится работа на полях и большие автофургоны, доверху нагруженные тростником, то и дело выезжают с полей на дороги.

В. ИВАНОВ. Рыбацкий поселок.

